

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Социоистория и гендерная история

С точки зрения развития социальных и гуманитарных наук, последняя треть XX века была временем больших успехов и разочарований. Кардинальному пересмотру подверглась прошлая парадигма, основанная на исследовании структур и событий. На ее место пришли исследования, связанные с человеческим сознанием, повседневной жизнью, особенностями методов общественной интеграции, не получивших ранее должного внимания.

Но теории, предлагающие способы соединения результатов новых исследований в некий синтез, оставались весьма проблематичными и недостаточными.

В наших последних двух лекциях мы обратимся к этим изменениям в сфере социально-гуманитарного знания для того, чтобы показать, каким образом потенциал, скрытый в теоретических изысканиях 70-х и 80-х годов, реализовывался в исторических направлениях на рубеже тысячелетий. Мы укажем и на исследовательские области, являющиеся наиболее перспективными с точки зрения написания нового интегративного исторического нарратива.

Видимое торжество исторической антропологии вызвало и ответную реакцию: исследователи отмечали, что претензии на самодостаточность методов познания человеческого сознания и субъективности сомнительны. Сомнительной казалась и практика релегирования макропроцессов за рамки исторических исследований.

На дисциплинарном уровне эта критика проявилась в виде спора между социологической историей и культурной антропологией. Основной вопрос заключался в способах взаимодействия социальных структур и человеческого сознания. Сложившаяся в 1980-х годах тенденция к комбинированию этих подходов привела к социоистории, в которой подчеркивается связь между категориями опыта субъекта с природными, социальными и культурными детерминантами его индивидуального и коллективного поведения. Это время и стало пиком интенсивности теоретических и практических усилий историков, направленных на реализацию интегрального объяснения обживаемой человеком действительности.

За оптимистическими прогнозами 80-х годов следует новый кризис. Связан он был с «лингвистическим поворотом», вызванным возросшим значением постструктуралистских теорий в общем комплексе гуманитарного и социального знания.

Суть вызова (и поворота, связанного с ним) заключалась в выводе теоретиков постструктурализма (Мишель Фуко, Жан Франсуа Лиотар, Жак Деррида) о ключевой роли языка и общей дискурсивной практике в конституировании действительности. В своем самом радикальном прочтении постструктурализм (и постмодернизм в целом) ставил вопрос о существовании реальности за границами речевых, литературных и прочих языковых практик. Он предлагал отказаться от понятия «материальных» или «психологических» структур повседневности, сфокусироваться на едва уловимых изменениях в тексте источников. Критике подверглись не только суперидеи (прогресса, свободы, демократии, естественных прав), но и любые обобщающие схемы, воспринимаемые лишь как своеобразная языковая игра с широким социальным резонансом. Сама возможность исторического познания, как и стремление к объективной истине, были поставлены под сомнения.

Неудивительно, что многими историками, постмодернизм был воспринят в штыки, так как речь шла о самой корпоративной идентификации исторической профессии. Академический мир 90-х годов стал свидетелем появления новых альянсов, где старые враги превращались в союзников, а прежние друзья – во врагов. Отрицанию реальности за границами языка и текста было противопоставлено не менее радикальное отрицание состоятельности новых тенденций.

Некоторое примирение наступило ближе к концу 90х годов с принятием умеренных постмодернистских позиций. В новой программе исторических исследований за дискурсом была признана, пусть и не исключительная, но крайне важная функция. Важной была и концепция практического опыта, опыта взаимодействия различных субъектов между собой и с миром, даже если этот мир и не был больше доступным действующим в нем субъектам непосредственным образом.

Признание роли языка, текста, дискурса стало базовой характеристикой культурологического подхода к истории. В парадигме «новой культурной истории», сформированной под воздействием как постструктуралистского анализа, так и теории структуризма Энтони Гидденса подчеркивается динамичный характер всех социальных отношений.

Индивидуум находится в постоянном процессе социализации посредством макроструктур (государств, социальных и культурных систем) или микроструктур (семей, клубов).

Однако и он сохраняет известную степень «автономии», сопротивляясь внедряемым в него ценностям ориентирам, реинтерпретируя их на собственный лад, сознательно манипулируя ими для достижения своих целей. Такая модель исключает схемы социального, психологического или культурного детерминизма, оставляя простор для деятельности и для случайности. Кроме того, в такой модели любые конфликты становятся конфликтами репрезентаций, как однажды высказался французский социолог Пьер Бурдьё, борьбой «истин». Гибкость подхода открывает новые перспективы в описании, объяснении и интерпретации социальных процессов, преодолевая старую дихотомию общества и индивида.

Важное место в современных дискуссиях занимает проблема взаимодействия макро- и микроподхода в истории. Дело далеко не в масштабе. Одно и то же явление может быть объектом как макро-, так и микроисторического исследования. Разница заключается в направлении исследовательской мысли: идет ли она от настоящего к прошлому, описывает ли ретроспективно становление настоящего мира, погружается ли в прошлое, самостоятельное по отношению к настоящему. Первый подход приводит к построению одномерной картины прошлого, сведенного лишь до тех элементов, что реализовались в настоящем. Во втором случае у нас появляется возможность ощущать прошлое своим, неопределенным еще будущим, подобно нашему настоящему, полному альтернативных вариантов развития.

Следует обратить внимание и на направления, в которых случайность, единичное событие или случай, выступает в качестве привилегированного объекта исследования. Интерес к уникальным случаям, «истории одного события» дает возможность разглядеть нечто большее и ответить на ряд важнейшие вопросов. Как действует человек, как реализует свои интенции в рамках, обусловленных культурными, экономическими, социальными установками? Каким образом строится память об этом событии после его свершения? Какую роль играет мысленный образ события, сформированный индивидом, в формировании общественного сознания и коллективной памяти?

Постструктурализм, поставив под вопрос парадигмы социальной истории, сложившиеся в 1960–1980-е годы, не отменил понятие социального, но подчеркнул творческую роль субъективности и ее определяющего значения для понимания социальной практики.

В той социальной истории, что сложилась за последние десятилетия, социальное изменение рассматривается как процесс, который включает в себя не только структурную дифференциацию и реорганизацию человеческой деятельности (по классам, сословиям, макро- и микроструктурам), но также и «реорганизацию умов» (изменения в ценностях, понятиях и восприятии субъективностей мира). Исследование механизма трансформации потенциальных причин в актуальные мотивы человеческой деятельности предполагает комплексный анализ как структурной ее стороны, так и ментальной. Это обуславливает необходимость обращения как к макроистории, выявляющей влияние общества на поведение действующих лиц, так и к микроистории, фокусирующейся на процессе «включения» индивидуальной деятельности в коллективную.

Гендерная история является наглядным примером того, как рассмотренные нами выше процессы отразились на отдельной отрасли исторического знания.

Своими корнями гендерная история уходит в 60-е годы, когда в рамках движения за гражданские права импульс получило стремление дать феминистскому сознанию собственную историю. Это импульс проявился в так называемой истории женщин, поставившей перед собой задачу «восстановить историческое существование женщин». Несмотря на ряд публикаций, открывший многие неизвестные страницы истории женщин разных эпох и народов, такой подход быстро обнаружил свою ограниченность. Он страдал не только своей описательностью, но и отсутствием должного критического внимания к самому понятию полов.

Качественная трансформация истории женщин в новую историческую дисциплину произошла на рубеже 70-х и 80-х годов с ведением ключевой аналитической категории «гендер». В отличие от понятия «пол», гендер исключал биологический и психологический детерминизм и позволял исследователям уйти от полярности «мужского/женского». Гендерная история воспринимает пол и связанные с ними поведенческие модели с социальной иерархией, культурными установками, системой распределения

власти, престижа и собственности.

В отличие от фракционной «истории женщин», гендерная история стремится быть интегративной. Речь идет не только об истории обоих полов, но об истории гендерных отношений. План написания такой истории требовал разработки теоретических схем, способных извлечь нужную информацию из неподатливого материала исторических источников.

В общих чертах положения гендерной истории были представлены в статье историка Джоан Скотт 1986 года «Гендер: полезная категория исторического анализа». Скотт выявила 4 взаимосвязанных комплекса, из которых состоит гендерная модель анализа. Во-первых, культурные символы, что вызывают в членах сообщества различные образы. Во-вторых, нормативные суждения, отделяющее позылительное от предосудительного и запретного, выраженного в религиозных, научных, правовых и прочих доктринах. В-третьих, комплекс институтов, куда входит не только семья и домохозяйство, но и рынок рабочей силы, образование и государственное устройство.

В-четвертых, личная самоидентификация. Последовательное использование этой модели призвано реконструировать историческую динамику сквозь призму гендера.

Критический вопрос, который предстоит решить гендерной истории, заключается в ее сближении и воссоединении с другими историческими дисциплинами. Наиболее отчетливо такие перспективы просматриваются в историях материальной культуры и повседневности, а в последнее десятилетие – в историях частной жизни и индивида.

Центральное место в гендерной истории занимает вопрос соотношения приватного пространства с публичным. Гендерные историки, опираясь на исследования антропологов, связывают неравенство полов с разделением пространства на эти две сферы, с вытеснением женщин из сферы публичной. Взаимодействие как внутри каждой из сфер, так и между ними дает возможность исследовать суть власти в самом широком смысле этого слова. Женщины рассматриваются не как пассивные жертвы эксплуатации, но как активные агенты, располагающие эффективными каналами неформального влияния.

Другим вопросом, находящимся в центре внимания гендерной истории, является вопрос о нормативных предписаниях и представлениях о женщинах. Обычно эти идеи отражают сугубо мужской взгляд. Мыслители разных эпох пытались определить, что отличает мужчину от женщины, создать идеалы женского поведения и репрезентации. Эти идеи, не задерживаясь в сфере философских спекуляций, оказывали влияние на формирование юридических норм.

Одно из наиболее активно разрабатываемых направлений гендерной истории сосредоточено на изучении «мира воображаемого»: массовых, обыденных, стереотипных представлений о гендерных ролях и различиях. Данное направление связано с обусловленным вышеупомянутым «лингвистическим поворотом» сближением истории и литературы. Хотя факт и фикция в умеренном прочтении постструктуралистского видения остаются разными категориями, литературные произведения несут в себе отражение меняющихся представлений о мужском и женском, а также активно содействуют изменению гендерных представлений.

В этой связи особый интерес представляют попытки соединить литературоведческий анализ с новыми подходами социальной истории. В работах тех исследователей, что стремятся уйти от дуализма репрезентации и ее реальности, социальным отношениям и структурирующим контекст представлениям отводится определяющая роль в отношении всех видов деятельности (в том числе и языковой) и в формировании гендерного сознания.

Центральным вкладом гендерной истории на данный момент является то, что она позволяет нам reinterpretировать человеческое становление в целом как его отдельные фазы.

Траектория движения историографии второй половины XX века фиксирует следующие вехи: от якобы бесполой, универсальной по форме, но игнорирующей женщин истории, к ее зеркальному отражению в образе «однополой», «женской» истории, от последней к общей гендерной истории. Речь идет о новой исторической дисциплине с исключительно амбициозной задачей – переписать всю историю как историю гендерных отношений. Таким образом, гендерно-исторический анализ вносит неопределимый вклад в то преобразование целостной картины прошлого, которое составляет сегодня сверхзадачу обновленной социокультурной истории.